

Моя биография, или болгография, началась с вьюжно-го четырнадцатого февраля 1948 года. В этот день моя мама, Надежда Романовна, в девичестве Коленчукова, на радость пришедшему в 1945-м победном году с войны живым своему суженому, моему отцу Болгову Евгению Степановичу, явила меня на яркий Свет. Произошло это выдающееся событие в деревянном роддоме Красноярского Затона, на берегу Енисея. В чём я ей и, конечно, отцу бесконечно благодарен. Самостоятельно проделать сие явление народу мне бы навряд ли удалось. Чем же знаменателен этот день — четырнадцатое февраля, кроме того, что он стал днём моего чудесного светоявления?

Сильно сомневаюсь, что в то время в стране СССР кто-то знал или хотя бы слышал о латинском покровителе влюблённых — святом Валентине. Поэтому, по крайней мере, для меня точно, этот день ознаменован моим первым раздирающим криком: «А-а-а!»

Но дело святого Валентина, даже неизвестного в Стране Советов, делало своё дело: месило мою душу, вселяло в неё любовь. Чему суждено в судьбе сбыться — обязательно сбудется. Чему бывать — того не миновать.

Теперь же и гадать нечего, почему да отчего я с самых пелёнок такой влюбчивый, буквально по уши втрескавшийся во все прелести, особенности, закавыки, болевые и эрогенные точки прекрасной и своенравной дамы по имени Жизнь.

Признаюсь: первую влюблённость я ощутил всем своим существом, когда мне было всего каких-то три года. Мне, едва научившемуся ходить и несвязно лепетать карапузу, приглянулась взрослая, тридцатилетняя, розовощёкая и черноглазая, весёлая женщина. Она была татарка. Звали её Роза. Символично, не правда ли?!

Откуда мне тогда было знать, что маковый румянец на щеках моей первой любви был нездоровым? Роза подхватила туберкулёз, и жить ей оставалось всего два года.

Первая пятилетка: 1948–1953. Начало жизни

Первая пятилетка начала моей жизни проходила в спартанских условиях общенародной нищеты. Жили в бараке рабочего посёлка Злобино, потом около года — в землянке посёлка Тартат (станция Тартат расположена километрах в тридцати от Красноярска).

Иногда летом меня, мою сестру помладше Валу, братика Колю родители вывозили на парное молоко в деревню Марьинка Балахтонского сельсовета Козульского района. В Марьинке стояла большая рубленая изба отца моей мамы — деда Романа Корнеевича Коленчука. Был у меня старший брат Вова, но он умер в два годика от неизлечимой тогда болезни. Я тоже сильно и долго болел, и у меня была ужасная диарея. Было время, когда казалось, что я умер, но я оживал. Погашенную было рядом со мной свечу опять зажигали. И так несколько раз во время прекращения дыхания, когда я казался уже умершим и стук моего маленького сердечка не прослушивался.

Оживал всем смертям и наговорам назло. Видимо, мой добрый ангел-хранитель был неподалёку и поддерживал.

Не зря же меня назвали в честь великой Победы Виктором, по-нашему — победителем. Выжил! Хотя, конечно же, долго ещё болезни преследовали меня, ломали мой юный неокрепший организм, испытывали на прочность. Особенно болезнь обострилась после злобных слов цыганки,

высказанных моей маме. Цыганка клянчила подаяние за какое-то навязанное ею же гадание, а маме ей, кроме четвертинки хлеба, нечего было больше дать. Вот цыганка, тыча в мою сторону грязным пальцем, и наговорила каких-то гадостей. Вроде как худую судьбу мне накаркала.

Вскоре меня положили в больницу, где едва не закололи до смерти уколами. Уже не шевелился и почти не подавал признаков жизни, когда моя мама с поленом в руке стучала в двери и окна больницы, требуя впустить. Врачи впустили и отдали ей меня. Была зима. Мама, положив моё худенькое тельце, укутанное телогрейкой, в жестяную детскую ванну с привязанной к ручке верёвкой, покатила меня по снегу домой. Врачи, как было и с моим покойным братом Вовой, отказались меня лечить, признав безнадежным. Пришлось маме обратиться к народной бабушке-целительнице. Та поначалу наотрез отказалась, заявив, что на мне лежит чей-то чёрный магический наговор, но потом всё же почему-то сжалилась и велела крестить ребёнка, только тогда возьмётся за лечение. Отец работал сцепщиком на железной дороге, домой приходил поздно; позже ему удалось устроиться слесарем на Ворошиловский завод, ныне «Красмаш». Моим излечением занималась не работающая тогда мама.

Как сейчас помню: поп, среднего возраста, высокий, с небольшой чёрной бородкой, пришёл в нашу барачную хибару под покровом темноты, ночью. Поздоровался, повесил на гвоздь в стене пальто, о чём-то говорил с мамой. Потом мама налила в таз подогретую на железной плите воду, и поп, творя молитвы, совершил положенный при крещении обряд. То есть окунул меня трижды в купель, чем-то мазал. Мама дала ему какие-то небольшие деньги, и священник так же незаметно ушёл, как появился. После чего целительница долго колдовала надо мной, шептала какие-то непонятные окружающим слова, обвязала меня какой-то нитью и давала испить из кружки горький настой из целебных трав. Не знаю, Бог ли мне помог или старуха-целительница, но с того дня я стал поправляться.

И вот как-то, увидев дорогое сливочное масло, показывая на него пальчиком, запищал: «Пи-пи, ам-ам...» Мама купила грамм двести и стала по чайной ложечке ежедневно давать мне сливочное масло...